

РОССИЯ–ЕС: “SOFT-POWER RISKS” В ЕВРАЗИЙСКО-АРКТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

© 2018 г. Е. Лабецкая

ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (lbtskaya@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 21.03.2018.

Отношения РФ с ЕС рассматриваются автором статьи в рамках продолжающейся разработки темы Трансарктики, виртуального транснационального политического пространства Арктики. Через концепт “мягкой силы” оцениваются привносимые в Арктическую зону РФ риски (*soft-power risks*), обусловленные сменой парадигмы российско-европейского взаимодействия во второй половине текущего десятилетия.

Ключевые слова: Евразия, Евросоюз, Россия, Трансарктика, безопасность, геополитика, пространство, секьюритизация, сила.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120

Концепт “мягкая сила” (*soft-power*), запущенный в научный оборот американским политологом Джозефом Наем мл. в начале века, быстро модифицировался в “умную”, “разумную”, “резкую” силу (*smart-power, intelligent-power, sharp-power*) и вышел из рамок теории в сферу реальной политики. Вариации “силы” стали популярным инструментарием внешней политики практически в каждом регионе мира. Не стал исключением и Арктический макрорегион, с нарастающим в нем процессом транснационализации, включая усиливающиеся арктические амбиции Евросоюза.

При анализе влияния процессов транснационализации в Арктике на возможности реализации пространственно-геополитических преимуществ России, защиты ее национальных интересов в мировом Заполярье учитываются разработки Роберта Кеохейна [1] (транснационализм), концепция “капитала”, “поля” и “двойного структурирования” Пьера Бурдьё [2], упомянутая выше классификация “силы” Дж. Ная мл. [3], а также подходы Барри Бузана к проблемам безопасности.

Так, Б. Бузан в статье “Новые модели глобальной безопасности в XXI веке” отмечал: «Безопасность должна быть направлена на избавление от угрозы и на обеспечение способности государств и обществ сохранять *свою независимую самобытность и свою функциональную целостность* от сил перемен, воспринимаемых как враждебные. Нижний уровень безопасности — это выживание, но он также резонно *включает субстантивный спектр озабоченностей касательно условий существования* (выделено мною. — Е.Л.). Именно там, где этот спектр озабоченностей лишается ярлыка “пер-

востепенной безопасности” (который определяет угрозы как достаточно значительные, чтобы оправдать чрезвычайные действия и исключительные меры, в том числе применение силы), и появляется повседневная неопределенность жизни» [4, pp. 432-433].

ТРАЕКТОРИИ РИСКА

“Масштабы развернутой Западом работы (против РФ. — Е.Л.) позволяют говорить о необъявленной гибридной войне”, — констатировал в конце 2017 г. директор Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин [5]. В международной экспертной среде участились высказывания об опасности перехода гибридной войны в горячую фазу. Косвенное свидетельство тому — ежегодный доклад Всемирному экономическому форуму в Давосе “Отчет о глобальных рисках — 2018” (*Global Risks Report — 2018*), в котором отмечен рост обеспокоенности в мире “траекториями риска в 2018 г.” в связи с геополитической напряженностью. Документ “предостерегает от самоуспокоенности и призывает быть готовыми к внезапным и драматическим сбоям”. Согласно данным опроса общественного мнения, приведенным в докладе, “93% респондентов ожидают усиления политических или экономических столкновений/трений между крупными державами в 2018 г.”. “Почти 80% респондентов считают, что риски, связанные с военным конфликтом или вторжением государства в государство и региональными конфликтами с участием крупных держав, будут в 2018 г. выше, чем в 2017 г.” [6]. Обеспокоенность российского экспертного сообщества высказал в Давосе глава ВТБ Андрей Костин: “НАТО требует больше оружия

и распространяет большое количество оружия в Европе, Россия будет отвечать тем же. ... Чем больше у вас оружия, тем больше оснований полагать, что может просто случайно произойти вспышка” [7].

Обеспечение национальной безопасности государства подразумевает учет не только угрозы “жесткой силы” со стороны “оппонента”, но и фактор его “мягкой силы”. В XXI в. это стало актуальным и для транснационализирующегося Арктического макрорегиона [8]. Хотя политологи и политики часто характеризуют его как пространство, свободное от конфликтов [9], вряд ли дальновидно отрицать наличие в нем дремлющего конфликтогена.

Какой бы бесконфликтной Арктика ни объявлялась, вопросы национальной безопасности в регионе остаются в зоне пристального внимания каждого арктического государства. Неслучайно на полях X Министерской встречи Арктического совета¹ в Фэрбанксе (Аляска, США, май 2017 г.) участники рабочего ужина оживленно обсуждали вопросы “жесткой” безопасности, официально не стоящие на повестке дня форума. За “арктической бесконфликтностью” кроется гибридная политика “умной и разумной силы”, в том числе направленная и на эрозию российской идентичности в Арктической зоне РФ (АЗ РФ). Переход от нее к методам “жесткой силы” плохо предсказуем. Все это обуславливает императив тщательного анализа факторов возможного пробуждения конфликтогена в Арктике, в частности “мягкосиловых рисков”.

АРКТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Циркумполярный регион давно стал для России стратегически важным форпостом. Еще в 1763 г. основоположник отечественной науки М.В. Ломоносов предрек: “Северный океан есть пространственное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерной пользой, через изобретение Восточно-Северного мореплавания в Индию и Америку” [10, с. 420]. Фактически были предсказаны “Арктический мост Евразия – Северная Америка” и “Северный морской путь” (Севморпуть).

Ныне модернизируемый Севморпуть и огромные природные ресурсы Арктической зоны РФ – часть колоссального “капитала” России, вызывающего зависть и алчные помыслы недругов. Порожденные этим вызовы российский философ XX в. И.А. Ильин раскрыл

¹ Арктический совет (АС) – межправительственный форум, призванный регулировать охрану окружающей среды и обеспечивать устойчивое развитие Арктики.

в работе “О путях России”: “Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ... Тяжек наш крест... Первое наше бремя есть бремя земли – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства... Второе наше бремя есть бремя природы... И суровая природа стала нашей судьбою... И третье наше бремя есть бремя народности... Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы... Не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору еще и поныне не сказано последнее слово...” [11, сс. 8-11].

В XXI в. государства борются не за землю, ресурсы, а за экономический, политический, культурный и информационный контроль над ними. На первый план выходят риски, привносимые в Россию ее оппонентами, в том числе аффилированными с Евросоюзом, посредством инструментария “мягкой”, “умной”, “разумной” и “резкой” силы. “Множитель” этих рисков – рост глобальной значимости евразийско-арктического римленда². Или, оперируя терминологией Пьера Бурдьё, евразийско-арктического “поля” Трансарктики (ТА). Так, по аналогии с *Trans-Atlantic* и *Trans-Pacific*, автор статьи с 2014 г. именуется виртуальное транснациональное политическое пространство Арктики [12].

Климатические изменения и глобализация XXI в. обусловили трансформацию евразийско-арктического римленда из естественного ледового буфера безопасности “осевого региона”, хартленда³ Евразии в XX в., в пояс трансарктической инфраструктуры, содействующий глобальному взаимодействию Большой Евразии, но нуждающийся в комплексном обеспечении безопасности. Сегодня комплексная бе-

² Римленд (от англ. *Rimland* – “дуговая земля”) – политологический термин, введенный в обиход американским геополитиком Николасом Спикменом в 1940 г. для обозначения стратегически важной для контроля над Евразией прибрежной дуги, охватывающей материк с запада, юга и юго-востока. В реалиях XXI в. такое значение приобретает евразийско-арктический прибрежный пояс (римленд), большая часть которого приходится на Арктическую зону РФ.

³ Хартленд (от англ. *Heartland* – “сердцевинная земля”) – термин, введенный в политологический оборот основоположником геополитики британцем Х. Маккиндером в 1904 г. для характеристики ключевого региона Евразии (“мирового острова”). Границы хартленда строго не зафиксированы, но его геополитическую значимость Маккиндер обуславливал наличием огромной кладовой природных ресурсов и недоступностью этой “великой природной крепости людей суши” для морских держав. В реалиях XXI в. хартленд представляет собой часть постсоветского пространства, охватывающую территории России и государств Центральной Азии.

зопасность евразийско-арктического римленда контролируется Россией и североевропейскими государствами, так или иначе аффилированными с Евросоюзом.

АРКТИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ ЕВРОСОЮЗА

Практически каждая страна Евразии, тем более в ее западноевропейской части, имеет арктические интересы, реализуемые преимущественно посредством “мягкой и разумной силы”. Характерно это и для Евросоюза, интеграционного объединения, а по существу – квази-государства. Историческими вехами на “арктическом пути” Евросоюза условно можно считать следующие.

1999 г. – Запуск политики “Северного измерения” (СИ)⁴.

2006 г. – Обновление проекта СИ.

2008 г. – Публикация Еврокомиссией первого Коммюнике о возможных стратегиях в Арктике, где Россия упоминается в качестве “*стратегического партнера*”. ЕС начинает борьбу за статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете.

2011 г. – Призыв Европейского парламента активизировать арктическую политику ЕС.

2012 г. – Новое совместное коммюнике, подводящее итоги арктической политики ЕС с 2008 г. и определившее дальнейшие шаги.

2013 г. – Официальная заявка ЕС в АС на получение статуса наблюдателя. Удовлетворение заявки отложено решением министерской встречи АС в Кируне на неопределенное время.

2014 г. – Просьба Совета Европы и Европарламента разработать всеобъемлющую арктическую политику ЕС.

2016 г. (апрель) – Подготовка новой всеобъемлющей программы для Арктики, где регион трактуется как “фронт” и “ворота” в Евросоюз; (июнь) – презентация Высоким представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности совместно с Комиссией ЕС “Совместного коммюнике Европейскому парламенту и Совету касательно всеобъемлющей арктической политики” [13]. В документе акцентированы научно-экологическое направление, содействие устойчивому развитию Арктики, конструктивный диалог с арктическими государствами, коренными народами и НПО.

⁴ МИД России трактует СИ “как региональное воплощение четырех общих пространств Россия–ЕС (экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты)”, где партнерами выступают ЕС, Россия, Норвегия и Исландия.

Для России документ интересен опосредованно. Официально все программы предназначены для “Европейской Арктики”, то есть стран – членов Евросоюза, Норвегии и Исландии, входящих в Европейскую экономическую зону, и для Гренландии, с которой ЕС имеет специальное соглашение. Тем не менее Россия в документе упоминается четырежды.

Первый раз – в контексте реализации проекта “*EU-PolarNet Initiative*”, предусматривающего поддержку инфраструктуры научных полярных исследований. Им предусмотрена работа с исследовательскими структурами России. Второй раз – в разделе о двустороннем сотрудничестве ЕС, предполагающем “выявление дальнейших областей сотрудничества” в науке и в сфере инвестиций [13, с. 15]. Третий раз – в разделе “Диалог с коренными народами Арктики”. В четвертый раз Россия упоминается в контексте подготовки к 2020 г. современной “многоформатной карты морского дна и вод” Баренцева моря в рамках Европейской сети морских наблюдений и данных (*EMODnet*) [13, с. 16].

Документ содержит тезис о “Северо-Восточном проходе” (*The Northeast Passage*). Так в англоязычной литературе по старинке и по аналогии с канадским Северо-Западным проходом (*Northwest Passage*) именуют российский Севморпуть. Этот арктический маршрут упомянут в контексте обеспечения безопасности морской деятельности через программу “*Horizon 2020*”. Предполагается, что Еврокомиссия подготовит “сети для Арктики и Атлантики, что должно позволить справиться с угрозами безопасности на море в результате открытия Северо-Восточного прохода” [13, с. 13].

Примечательна амбициозная мотивировка стратегических планов ЕС “*играть ключевую роль в арктическом регионе* (выделено мною. – Е.Л.)”: “В то время как арктические государства несут главную ответственность за решение вопросов на своих территориях, многие из вопросов, затрагивающих Арктический регион, которые обсуждаются в данном совместном коммюнике, эффективнее могут быть решены через региональные или многосторонние сотрудничества. Именно поэтому участие ЕС имеет большое значение” [13, с. 2]. При этом евро-бюрократия возлагает большие надежды на арктические государства, являющиеся членами Евросоюза или входящие в Европейскую экономическую зону, в период их председательства в Арктическом совете: «Региональные “умные стратегии специализации”, в сочетании с финансированием ЕС, могут помочь в разработке локальных моделей устойчивого роста и создания рабочих мест в Европейской Арктике с потенциальными преимуществами во всем ЕС. Предстоящее *финское председа-*

тельство в Арктическом Совете (2017–2019) предоставит возможность привнести европейские идеи и инициативы в работу Арктического Совета (выделено мною. – Е.Л.)» [13, с. 3]. Европейский союз не оставляет мысли навязать сообществу Арктического макрорегиона свое, не всегда совпадающее с традициями коренного населения, нормотворчество касательно морских ресурсов: “Мировые океаны являются важными ресурсами, но они подвергаются возрастающему давлению и подвержены риску дальнейшего ущерба в случае ненадлежащего управления возросшей деятельностью. Именно в этом контексте *ЕС стремится продвинуть вперед повестку дня в области управления океанами* (выделено мною. – Е.Л.). В Арктике особенно высока необходимость прочной основы для рационального управления: значительная часть районов открытого моря за пределами национальной юрисдикции в настоящее время не охвачена конкретными механизмами регулирования экономической деятельности, равно как и недостаточно научны знания о бассейне моря. Поэтому предстоит большая работа по защите арктических морей в связи с климатическими изменениями и активизацией человеческой деятельности в регионе” [13, с. 4]. Евросоюз не намерен выпускать из-под своего контроля безопасность западноевропейской части евразийско-арктического римленда. Ради этого он “готов делиться с международными партнерами опытом нормативного регулирования и технологиями для поддержки безопасности и сохранения окружающей среды в регионе” [13, с. 8].

В условиях конкуренции за рычаги глобального управления циркулярным миром ЕС делает ставку на лидерство через формирование новых арктических международных институтов: “Признавая необходимость тесного сотрудничества с национальными, региональными и местными органами власти в Европейской Арктике, Комиссия планирует создать Европейский форум заинтересованных сторон в Арктике в целях укрепления взаимодействия и координации между различными программами ЕС. ...Комиссия будет финансировать ежегодную конференцию заинтересованных сторон Арктики в Европейском арктическом регионе для укрепления сотрудничества и взаимодействия между заинтересованными сторонами” [13, с. 11]. Первая конференция состоялась в январе 2018 г.

Понимая значение таких инструментов “умной и разумной силы”, как космические и информационные технологии, Комиссия ЕС намерена найти “подходящее решение для Арктики в части поддержки следующего поколения государственных спутниковых коммуни-

каций в контексте предстоящей космической стратегии или Плана европейской оборонной деятельности”. «ЕС также намерен содействовать созданию комплексной системы наблюдения в Арктике в рамках инициативы “*GEO Cold REGION*”, как важнейшего инструмента по изучению, прогнозированию и оценке изменений, способствующих устойчивому развитию региона» [13, с. 12].

Для упрочения “мягко-силового” влияния в Арктике руководство Европейского союза намерено опираться на “региональное и субрегиональное сотрудничество, в том числе через членство в Совете Баренцева/Евроарктического региона и реализацию политики Северного измерения”. В этих же целях планируется поддерживать региональное партнерство в рамках Европейской экономической комиссии ООН. В частности, по Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния [13, с. 14]. Документ также анонсирует создание в ЕС координационных рабочих групп по вопросам Арктики и сотрудничеству северных стран. Европейскому парламенту предложено “рассмотреть вопрос о создании делегации по арктическим вопросам и Северному сотрудничеству” [13, с. 17].

Несмотря на вышеупомянутые амбициозные планы, присутствие Евросоюза в Трансарктике в обозримом будущем останется, по видимому, достаточно ограниченным. При этом “мягко-силовые риски”, генерируемые в этом пространстве Евросоюзом, могут “транслироваться” в Россию через акторов системы многоуровневого управления ТА, тесно аффилированных с Брюсселем. Ими являются как европейские государства – члены ЕС в своем суверенном качестве и неформально сопряженные с Союзом Норвегия и Исландия, так и международные межправительственные и неправительственные организации, представленные в регионе.

“SOFT-POWER RISKS”

Задача упрочить российское присутствие в Арктике была поставлена в 2014 г. на расширенном заседании Совета безопасности РФ “О реализации государственной политики РФ в Арктике в интересах национальной безопасности”. Было предписано “не отставать от партнеров, сохранять российское влияние в регионе, а где-то и опережать наших партнеров” [14].

Географический спектр “партнеров” широк, но особый интерес в контексте темы статьи представляет его западноевропейская часть, наиболее виртуозно владеющая инструментарием “мягкой”, “умной”, “разумной” силы и привносящая в евразийско-арктическое

пространство, большая часть которого приходится на территорию России, соответствующие риски. Разноуровневые акторы Арктического макрорегиона пока группируются при Арктическом совете – системообразующем элементе Трансарктики. Здесь сплетаются и конкурируют субъекты управления – национальные и международные, региональные и глобальные.

Анализ процессов в ТА выявляет все упоминавшиеся Пьером Бурдье категории капиталов – экономический, культурный, социальный, символический [2]. Распределение капиталов между субъектами пространства обуславливает структуру власти и влияния в циркулярном мире и, соответственно, спектр рисков “мягкой, умной и разумной силы” для каждого актора данного пространства. Россия – крупнейший игрок на евразийско-арктическом “поле” Трансарктики. ЕС же, хотя и стоял в 1996 г. у порога создания АС, уже более 20 лет не может получить в нем официальный статус и участвует в работе *ad hoc*.

Консенсус по Евросоюзу в АС не складывается. Решение принимают члены-учредители (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция) и его постоянные участники в лице шести организаций коренных народов Арктики. То есть в рамках Совета коренные народы циркулярного мира уже стали субъектами “многовластной системы принятия национальных и международных решений” [15, с. 31]. С учетом этого для национальной безопасности России возрастает значимость сохранения идентичности малых и коренных народов Арктической зоны (АЗ) РФ, их защиты от чуждых стереотипов, привносимых посредством “мягкой силы”.

Поскольку решения в АС принимаются на основе консенсуса, затягивание получения Евросоюзом статуса наблюдателя Совета обычно мотивируют опасениями коренных народов Арктики относительно возможного навязывания им регламента евро-бюрократии по регулированию морской деятельности. Но, скорее всего, задержка обусловлена нежеланием самих членов Арктического совета политизировать деятельность этого органа. К тому же статус наблюдателя дал бы ЕС нежелательное преимущество в Арктике в силу его “двойного представительства”. Ведь не только три члена АС (Дания, Финляндия, Швеция) входят в Европейский союз, но статус наблюдателя в Совете имеют девять влиятельных европейских стран, девять международных и двенадцать неправительственных организаций, так или иначе аффилированных с ЕС.

Упомянутое “Совместное коммюнике Европейскому парламенту и Совету 2016 г. касательно всеобъемлющей арктической политики

ЕС” свидетельствует, что опасения отнюдь не беспочвенны. Риски в Трансарктике, связанные с использованием Евросоюзом “мягкой силы”, могли бы проявиться в навязывании акторам этого пространства, а в случае наделения ЕС статусом наблюдателя в АС, и самому “квази-правительству” Трансарктики повестки дня, способной спровоцировать в регионе нежелательную напряженность.

Углубление вовлеченности Евросоюза в арктические дела – явный “мягко-силовой риск” для России. Как заметил В. Барбин, старшее должностное лицо РФ в Арктическом совете: “Учитывая введенные в отношении России санкции, считаем, что предоставление такого статуса (наблюдателя АС. – Е.Л.) Европейскому Союзу было бы преждевременным” [16]. Ведь экономические санкции – это тоже инструмент “мягкой силы”, используемый против РФ в Арктике вопреки логике комплексной безопасности и устойчивого развития циркулярного региона в целом.

“Тревожным моментом является экологическая проблема, которая может возникнуть, если нефтяные компании и транспортные операторы не смогут надлежащим образом отрегулировать свои активы и оборудование. Этот сценарий не представляется маловероятным в условиях ограниченного финансирования и заблокированного потока технологий российским углеводородным компаниям,” – справедливо полагает А. Невская [17]. Важно, что любой экологический коллапс в Арктическом регионе несет с собой риски перерастания проблемы в трансграничную, а возможно и глобальную угрозу окружающей среде.

Среди других влиятельных субъектов евразийско-арктической проекции Трансарктики, где непосредственно переплетаются интересы России и Евросоюза и присутствует поле “мягко-силовых рисков”, стоит выделить Северный форум, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) и проект “Северное измерение”. Важной точкой соприкосновения РФ и ЕС остаются Конференция парламентариев Арктического региона и Конференция парламентариев Баренцева региона.

Концепция СБЕР изначально была ориентирована на содействие устойчивому развитию региона, двустороннему и многостороннему сотрудничеству в области экономики, торговли, науки и техники, окружающей среды, инфраструктуры, образования и культурных обменов, туризма, на реализацию социально-гуманитарных проектов для коренных народов Севера. Взаимодействие осуществляется на принципах “двухэтажной архитектуры” (как на межправительственном уровне, так и на уровне административно-территориальных субъектов

в рамках Баренцева регионального совета). Это гармонизирует приоритеты государств с потребностями местного населения.

Вместе с тем проекты региона могут быть и потенциальным полем для экспериментов с “мягкой силой”, что обуславливает необходимость учета всех нюансов взаимодействия. В этом контексте весьма перспективно российское предложение, внесенное главой МИД России С.В. Лавровым при передаче в 2017 г. председательству в Совете на 2018–2019 гг. Швеции. Он акцентировал: «СБЕР необходимо “идти в ногу со временем”, адаптироваться к новым реалиям. В этих целях правительство РФ выступило с инициативой учреждения форума высокого уровня, своего рода “Баренцева Давоса”. Речь идет о дискуссионной площадке для обсуждения Баренцевой повестки с ударением на тематику устойчивого социально-экономического и экологического развития региона» [18].

В июне 2017 г. в Нарьян-Маре (Ненецкий АО) в рамках российского председательства в Совете (2015–2017 гг.) прошла очередная VIII конференция парламентариев Баренцева региона. Работа конференции сосредоточилась в трех секциях, где участники фактически рассмотрели весь спектр “мягко-силовых рисков” Трансарктики: (1) “Роль парламентов в развитии сотрудничества в регионе Баренцева моря: проблемы, перспективы, международное и региональное взаимодействие”; (2) “Экономическое развитие Баренцева региона, развитие транспортной инфраструктуры, защита окружающей среды в условиях климатических изменений”; (3) “Пути сохранения культурных ценностей, защиты коренных народов, социальные вызовы, развитие образования, науки и устойчивого туризма в регионе” [19].

В Трансарктике все шире распространяются коммуникационные технологии, Интернет. С одной стороны, это обеспечивает безопасность человека в условиях высоких широт, упрощает взаимодействие между коренными и малыми народами, обеспечивает получение ими современных знаний в рамках сетевого Арктического университета (*UArctic* функционирует с 2002 г.). Но с другой стороны, возрастают риски “мягко-силового” вмешательства извне, навязывания населению чужеродных стереотипов и идеологий. Как подметила Е.М. Харитонova, «к концу XX – началу XXI вв., вследствие развития информационных и коммуникационных технологий и появления сети Интернет, появились беспрецедентные возможности для использования “мягкой силы” как инструмента внешней политики, вовлечения во внешнеполитическую деятельность государства негосударственных акторов, реализации комплексных

имиджевых и коммуникационных кампаний» [20, с.12]. При этом «за внешне благозвучной политикой “мягкой силы” в отношении объекта всегда кроется хищническая стратегия субъекта силы для обеспечения их собственных национальных интересов, как политических, так и чисто экономических» [21].

Рывок информационных технологий и компьютеризация даже отдаленных районов “евразийско-арктического поля” привносят угрозу уязвимости АЗ РФ не только от “мягкой”, но и от “резкой” силы⁵, грань между которыми весьма тонка. «Уверенная политическая риторика – это тоже источник силы, – констатирует Дж. Най, основоположник “мягко-силовой политики”. – Именно поэтому так трудно ответить на “резкую силу”» [22].

Контрпропаганда в информационных войнах – давно опробованное оружие. Но в XXI в. эффективность его использования зависит от успешного реагирования на вызовы скорости, масштабов, интенсивности распространения дезинформации, на психологически выверенное манипулирование общественным сознанием. Оценка “мягко-силовых” и “резко-силовых” рисков требует учета философской категории “пространство и время”. Ибо последствия манипулирования сознанием и ценностными установками порой “неожиданно” проявляются через годы в виде существенной эрозии национальной идентичности. Все чаще властям приходится противостоять этнополитическим вызовам, чреватым конфликтами.

Особого внимания при противостоянии “мягко-силовым и резко-силовым” вызовам, а также при регулировании конфликтности требуют: “фактор исторической памяти; фактор диспропорций в экономическом развитии и четко выраженных социальных дисбалансов; культурно-лингвистический фактор; фактор межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий; фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий, религиозного фундаментализма; внешнеполитический фактор” [23].

В региональном экспертном дискурсе России уже звучат тревожные нотки: в Арктической зоне РФ наблюдается рост “мягко-силовых рисков”, привносимых по научно-педагогическим каналам [24]. Манипуляции общественным сознанием целевых аудиторий, по некоторым оценкам, осуществляются посредством “грамотно выстроенных матриц образов, ценностей, достижений, положительных ассоциаций”. В частности, озабоченности экспертов вызваны популяризацией в высшей

⁵ Под “резкой силой” (*sharp-power*) понимаются средства информационной войны, дезинформация.

школе и среди местного населения в прилегающих к Скандинавии районах АЗ РФ теории “трансграничной северной идентичности” (поморства) и концепции “асимметричного соседства” (проект норвежского Института оборонных исследований).

Как “мягко- и резко-силовой вызов” расценивается пропаганда среди российского населения северных областей России “трансграничной баренц-региональной истории”, лоббируемой в шведском учебнике “*Varents Book*”. Книга предназначена для высшей школы стран Баренцева региона. Опасения вызывают попытки убедить местную молодежь в Архангельской области, что “у побережья Белого моря этнографическая группа русских, называемая поморами, — это вовсе не русский этнос, а потомки скандинавов”, а также «прогрессивные в Республике Коми призывы к “дерусификации”» [25].

Исходя из вышесказанного, первоочередной задачей защиты России от “мягко-силовых рисков” на “евразийско-арктическом поле” становится противодействие моделированию комплексов национальной неполноценности, попыткам обесценить сложившуюся в Арктической зоне РФ, прежде всего в северо-западном регионе, поведенческую и социальную модель, характерную именно российскому культурно-историческому типу.

По мере того как трансформировалась общая канва взаимоотношений Евросоюза с Россией, менялась и атмосфера их сотрудничества на “евразийско-арктическом поле”. Первый этап функционирования десятилетнего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между ЕС и РФ от 1994 г. характеризовался безоблачной атмосферой “розовых надежд” на единое и неделимое общеевропейское пространство в четырех сферах. Его воплощением в евро-арктической проекции виделись совместные пространства “Северного изме-

рения”. К 2008 г. стороны даже заговорили о стратегическом партнерстве. Но после югоосетинского конфликта 2008 г. несбыточность надежд стала очевидной.

Переговоры по замене ежегодно продлеваемого СПС новым базовым (рамочным) договором о стратегическом партнерстве, стартовавшие в 2004 г., так ничем и не увенчались. Украинский кризис и последующие события, включая антироссийские санкции, поддержанные ЕС, “отрезвили” последних политических “романтиков”. Правовой вакуум, конечно, никому не нужен, поэтому Соглашение по-прежнему ежегодно автоматически продлевается. Однако нет оснований рассчитывать, как отметил экс-министр иностранных дел России И.С. Иванов, на “документальное переформирование сотрудничества в четырех общих пространствах”, то есть в сфере экономики, безопасности, науки и образования, культуры и гражданского общества. “Новый этап отношений, в который вступили Россия и Европа, требует новых, свежих подходов, если стороны действительно заинтересованы в их наполнении реальным содержанием. Эмоции должны уступить место логике, романтические иллюзии должны смениться прагматическими соображениями, на место идеологических конструкций должно прийти четкое осознание сторонами своих долгосрочных интересов” [26], — резюмировал экс-министр. Такой вывод в полной мере относится и к сотрудничеству между Россией и ЕС в “евразийско-арктическом поле” Трансарктики. Очевидно, что на данном этапе, тем более в условиях антироссийского санкционного режима, его перспективы отнюдь не радужные. Для безопасного взаимодействия в евразийско-арктическом “поле” ТА в АЗ РФ необходима тщательная проработка новой модели, учитывающей риск пробуждения под воздействием “мягко-силового” или “резко-силового” вмешательства дремлющего в этом пространстве конфликтогена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? *Foreign Policy*, 1998, issue 110, Spring, pp. 82-96.
2. Бурдьё П. *Социология социального пространства* (Пер. с франц.) Москва, Институт экспериментальной социологии. Санкт-Петербург, изд-во “Алетейя”, 2007. 288 с. [Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. (Transl. from French). Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii. Sankt-Petersburg, Aleteiya, 2007. 288 p.] Available at: http://bourdieu.name/files/bourdieu_pierre_sociologie_de_lespace_sociale_isbn_5893297628_ocr.pdf (accessed 08.02.2018).
3. Най Дж. *Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике*. (Пер. с англ.) Москва, Тренд, 2006. 397 с. [Nye J. *Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. (Transl. from English) Moscow, Trend, 2006. 397 p.]
4. Buzan B. New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century. *International Affairs*, 1991, vol. 67, no. 3, pp. 431-451.
5. *Нарышкин заявил о ведении США гибридной войны против стран СНГ*. [Naryshkin Said about the United States Hybrid War against CIS Countries (In Russ.)] Available at: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/12/19/1669627.html> (accessed 14.03.2018).

6. *The Global Risks Report – 2018*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2018> (accessed 09.02.2018).
7. Костин заявил о начале “войны” Запада против России. [Kostin Declared the Beginning of the “War” of the West against Russia (In Russ.)] Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/96732> (accessed 09.02.2018).
8. Лабетская Е.О. Трансарктика: аспекты глобального управления. *Межсекционный сборник № 2 “Глобальное управление”. Материалы VIII Конвента РАМИ (апрель 2014 г.): научное издание*. Лебедева М.М., Стрежнева М.В., Панова В.В., Никитина А.И., ред. Москва, Издательство “МГИМО–Университет”, 2015, сс. 53-61. [Labetskaya E.O. Transarktika: aspekty global'nogo upravleniya [Trans-Arctic: Aspects of Global Governance]. *Mezhseksionnyi sbornik № 2 “Global'noe upravlenie”. Materialy VIII Konventa RAMI (aprel' 2014 g.): nauchnoe izdanie* [Intersectional Collection № 2 “Global Management”. Materials of the VIII Convention of RAMI (April 2014): Scientific Edition]. Lebedeva M.M., Strezhneva M.V., Panova V.V., Nikitin A.I., eds. Moscow, Izdatel'stvo “MGIMO–Universitet”, 2015, pp. 53-61.]
9. Загорский А.В. *Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016. 104 с. [Zagorskii A.V. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Nonstrategic Issues of Security and Cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO, 2016. 104 p.] DOI: 10.20542/978-5-9535-0492-8
10. Ломоносов М.В. *Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию*. [Lomonosov M.V. *Kratkoe opisaniye raznykh puteshestviy po severnym moryam i pokazaniye vozmozhnogo prokhodu Sibirskim okeanom v vostochnuyu Indiyu* [Brief Description of Different Trips to Northern Seas, and Indication of a Possible Passage by Siberian Ocean to Eastern India] Available at: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-417-.htm?cmd=p> (accessed 14.03.2018)
11. Ильин И.А. *О России. Три речи*. [Il'in I.A. *O Rossii. Tri rechi* [About Russia. Three Speeches]] Available at: http://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_tri_rechi_o_rossii.pdf (accessed 10.02.2018).
12. Лабетская Е.О. Трансарктический контекст стратегических приоритетов РФ. *Пути к миру и безопасности*, 2014, № 2(47), сс. 81-88. [Labetskaya E.O. Transarkticheskiy kontekst strategicheskikh prioritetov RF [The Trans-Arctic Context of Russia's Strategic Priorities]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2014, no. 2(47), pp. 81-88. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2014/December/08Labetskaya.pdf (accessed 14.03.2018).
13. *Joint Communication to the European Parliament and the Council. An Integrated European Union Policy for the Arctic*. Available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf (accessed 08.02.2018).
14. *Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике*. [Meeting of the Security Council on the Implementation of Public Policy in the Arctic (In Russ.)] Available at: <http://news.kremlin.ru/news/20845> (accessed 14.03.2018).
15. Ehrenzeller V., Hrbek R., Malinverni G., Thurer D. Federalism and Foreign Policy. *Politorbis*, 2003, no. 1(32), pp. 18-38.
16. *В МИД РФ заявили, что Арктика должна оставаться регионом мира и стабильности*. [The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Stated that the Arctic Should Remain a Region of Peace and Stability (In Russ.)] Available at: <http://tass.ru/politika/4806088> (accessed 14.03.2018).
17. Nevskaya A. *US Sanctions on Russian Energy Sector: First Results and Side Effects*. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2018/23012018/Nevskaya.pdf> (accessed 29.01.2018).
18. *СБЕР необходимо “идти в ногу со временем” – Лавров*. [The BEAR Needs to “Keep up with the Times” – Lavrov (In Russ.)] Available at: <https://sm-news.ru/news/vneshnyaya-politika/sber-neobkhodimo-idti-v-noguso-vremenem-lavrov/> (accessed 09.02.2018).
19. *В Нарьян-Маре открылась конференция парламентариев Баренцева региона*. [The Conference of the Barents Region Parliamentarians Was Opened in Naryan-Mar (In Russ.)] Available at: <http://nao24.ru/vlast/140-v-naryan-mare-otkrylas-konferenciya-parlamentariev-barenceva-regiona.html#hcq=YL6QTIq> (accessed 09.02.2018).
20. Харитоновна Е.М. *“Мягкая сила” во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.)*. Дисс. канд. пол. наук. Москва, ИМЭМО РАН, 2017. [Kharitonova E.M. *“Myagkaya sila” vo vneshnei politike gosudarstva: opyt Velikobritanii (vtoraya polovina 1990-kh – 2010-e gg.)*. Diss. kand. pol. nauk [“Soft power” in the Foreign Policy of the State: the Experience of Great Britain (the Second Half of the 1990s – 2010s). Ph.D. Diss. (pol.)]. Moscow, IMEMO, 2017.] Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/dis/2017-002-Kharitonova-DIS.pdf> (accessed 14.03.2018).
21. Сургуладзе В.Ш. Скрытые методы борьбы за идентичность. “Твердая”, “мягкая”, “умная” – будущее власти в трех лицах силы. *Проблемы национальной стратегии*, 2015, № 4(31), сс. 233-240. [Surguladze V.Sh. Skrytye metody bor'by za identichnost'. “Tverdaya”, “myagkaya”, “umnaya” – budushchee vlasti v trekh litsakh sily [Hidden Methods of the Fight for Identity. “Hard-”, “Soft-” and “Smart-Power” – the Future of Power in Three Power Forms]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2015, no. 4(31), pp. 233-240.]
22. Nye J.S. Jr. *How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pgtype=hpg> (accessed 31.01.2018).

23. Семенов И.С. *“Новый” национализм и этнополитическая конфликтность: дискурсы и практики политики идентичности (тезисы доклада)*. [Semenenko I.S. *“Novyi” natsionalizm i etnopoliticheskaya konfliktnost’: diskursy i praktiki politiki identichnosti (tezisy doklada)*] [“New” Nationalism and Ethnopolitical Conflict: Discourses and Practices of the Identity Policy (Theses of the Report)] Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2018/05022018/05022018-TEZ-001.pdf> (accessed 05.02.2018).
24. *Норвежская мягкая сила в борьбе за Арктику: как “баренцы” меняют в свою пользу будущее*. [Norwegian Soft Power in the Struggle for the Arctic: How the “Barents” Change the Future in Their Favor (In Russ.)] Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2015/09/10/norvezhskaya-myagkaya-sila-v-borbe-za-arktiku-kak-barency-menyayut-v-svoyu-polzu-budushchee> (accessed 16.02.2018).
25. Журавлев А. *Не проиграть битву за Арктику*. [Zhuravlev A. *Ne proigrat’ bitvu za Arktiku*] [Not to Lose the Battle for the Arctic] Available at: <https://iz.ru/news/593187#ixzz3oXz1TAeZ> (accessed 14.03.2018).
26. Иванов И.С. *РФ и Европа: от романтики к прагматике*. [Ivanov I.S. *RF i Evropa: ot romantiki k pragmatike*] [Russia and Europe: from Romance to Pragmatics] Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-i-evropa-ot-romantiki-k-pragmatike/> (accessed 02.02.2018).

RUSSIA—EU: “SOFT-POWER RISKS” IN THE EURASIAN-ARCTIC CONTEXT

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 112-120)

Received 21.03.2018.

Ekaterina O. LABETSKAYA (lbtskaya@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Russia—EU relations are regarded within a framework of the ongoing author’s “Trans-Arctic study”, which allows to consider new formats of global interaction in the Arctic macro-region, often referred to as conflict-free. Behind the “conflict-free Arctic”, the hybrid policy of “Smart & Intelligent Power” hides, which is fraught with the erosion of identity in the Arctic zone of the Russian Federation (AZ RF). Soft-power risks, which are brought to the AZ RF due to transformation of the Russia—EU interaction paradigm, are its part. The modernized “Northern Sea Route” and huge natural resources of the AZ RF are a colossal “capital” of Russia, which cause envy and generate the wish of foes to exercise economic, political, cultural and information control over this “capital”. The multiplier of these challenges is the growth of global significance of the “Eurasian-Arctic field” in the Trans-Arctic, where the “soft-, smart-, intelligent-, sharp-power” has become a popular instrument of foreign policy. An analysis of the EU’s ambitious integrated Arctic strategy and its model of interactions in the region suggests that in the near future, the European Union’s presence in the Trans-Arctic will remain limited. And “soft-power risks” generated here by the EU will be “broadcast” to Russia through the actors of the Trans-Arctic multi-level management system, who are closely affiliated with Brussels. For a safe Russia—EU interaction in the “Eurasian-Arctic Field” of the Trans-Arctic or in the AZ RF it is necessary to elaborate a new model, which would take into account the risk of “soft-power and sharp-power” intervention — the one that will not allow to awaken the dormant conflict-generating force of the Trans-Arctic.

Keywords: Eurasia, the EU, Russia, Trans-Arctic, security, geopolitics, space, securitization, power.

About author:

Ekaterina O. LABETSKAYA, Candidate of Economics, Leading Researcher, Section of Systemic Problems of International Relations.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120